



Наталия Александровна Кузнецова

Сокровище чернокнижника

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=576125
Сокровище чернокнижника: Эксмо; М.: 2011
ISBN 978-5-699-46937-6

Аннотация

Кажется, нет ничего особенного в том, что у кого-то такие же кроссовки, как у тебя? А если эти кроссовки – единственная улика, с помощью которой можно найти преступника? Да и вообще убедиться, что он существует, ведь в новом деле, которое расследуют Ромка и Лешка, фигурирует самый настоящий человек-невидимка. Именно он то и дело бродит по квартире старушки Софьи Яковлевны, наследницы легендарного Якова Брюса, в поисках старинных сокровищ. Открывает запертую дверь, роется в книгах и цветочных горшках, а потом... исчезает непонятно куда! Хорошо, что Ромке удалось получить отпечаток его следа. Теперь преступника нужно вычислить...

Содержание

Глава I	4
Глава II	10
Глава III	15
Глава IV	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Наталья Александровна Кузнецова

Сокровище чернокнижника

Глава I

Радостное известие

– Лешк, ну где нам рекламу брать? Столько времени потеряли, и все без толку. Уйди, пакун противный. – Последние Ромкины слова относились к Дик. Вбежав в дверь, он с ворчанием отпихнул от себя пса: Дик, вознамерившись лизнуть хозяйку, ненароком задел его своим лохматым боком, оставив на джинсах серую шерсть.

Лешка присела перед огромным «кавказцем» и обернулась к брату:

– Дик в твоих несчастьях не виноват. Говорила я тебе, что не так-то просто рекламу во всяких фирмах выпрашивать? Нет, ты мне скажи, говорила? А ты решил, что раз наши друзья на это согласились, то и другие к нам кинутся со всех ног. «Рекламируйте нас, детки, а то нам денежки наши девать некуда!»

Совсем недавно Ромка с Лешкой (на самом деле Ромкину сестру звали Олей, а Лешка – ее детское прозвище) решили стать рекламными агентами. Они уговорили на сотрудничество нескольких своих приятелей-бизнесменов, и дело поначалу пошло успешно. Но знакомые иссякли, и добывать рекламу для газет оказалось довольно трудно.

Ромка повесил на вешалку свою куртку и озабоченно почесал в затылке.

– Что ж делать-то, а? Неужели тебе все равно, будут у нас деньги или нет?

Лешка вскинула голову:

– Если бы их нам просто так давали! А мотаться с утра до ночи по всяким конторам лично мне до ужаса надоело. К тому же из-за этой рекламы я не успеваю учить уроки. Не мешало бы, между прочим, и тебе за них взяться. Каникулы скоро, а ты, я знаю, все запустил.

– Ты мне не указ! – вскипел Ромка. Слова сестры заделали его за живое. Он и сам понимал, что «хвосты» пора подтянуть. – И не твое это дело.

– Конечно, не мое, – пожала плечами Лешка. – Хуже-то тебе будет.

Ромка укоризненно посмотрел на нее и жалобно сказал:

– А как же теперь новый комп? Мы ж на него хотели накопить денег. Без Интернета-то ты тоже не обойдешься. Как с Темкой будешь общаться? По телефону долго не поболтаешь. А скутер? Вот как мне жить без скутера?

Лешкины брови поползли вверх:

– Без чего?

– Без скутера, непонятно, что ли? Ну, это мотороллер такой. Ребята на них гоняют, а я смотреть должен? Вот бы мне новенькую «Ямаху»...

– Да ты на нее никогда не заработаешь, а у мамы даже и не проси, она тебе такую опасную вещь ни за что не купит. А мечтать не вредно, продолжай в том же духе. Пошли, Дик. – Лешка нацепила на своего четвероногого друга ошейник с поводком и с ехидством добавила: – А ты себе микроскутер «Вжик» купи. Три кило весит и стоит дешево.

– Сама на самокате катайся! С Диком своим. – Ромка вошел в большую комнату, наткнулся на отца и удивленно поднял брови: – А ты откуда взялся?

– Живу я тут, однако, – развел руками Олег Викторович.

– Живи на здоровье, – разрешил Ромка. – Просто я хотел спросить, почему ты так рано пришел.

– У тебя что, часов нет? – в свою очередь удивился отец. – Ты посмотри, сколько сейчас времени!

Ромка посмотрел. Шел уже восьмой час. Надо же, сколько они с Лешкой в одной фирме проторчали и ничегошеньки из противного дядьки-директора, когда его наконец дождались, не выудили. Недовольно покачав головой, он сменил своему Попке воду, насыпал в клетку корм, а потом сел за стол и механически потянулся к компьютеру. И тут же опомнился. Комп-то сломан.

Олег Викторович шел следом.

– Ну и как твоя нога?

Ромка непонимающе сморщил нос:

– Какая еще нога?

– Левая или правая, не знаю, какая именно. В общем, та, которую ты на прошлой неделе сломал или подвернул, из-за чего пропустил историю.

Вот оно что! Ромка сразу понял, откуда ветер дует.

– Ты что, опять нашего Антона встретил? Или сам в школу ходил? – с опаской покопсился он на отца.

– Некогда мне в твою школу ходить. Антон Матвеевич мне сегодня сам позвонил и рассказал, что в тот самый день, когда ты свою ногу якобы повредил, он тебя в метро встретил и никакой хромоты не приметил. А в школе, оказывается, ты инвалидом считаешься.

– Я в тот день правда ногу подвернул. И она у меня жутко болела все уроки, а потом почему-то сразу прошла. Так бывает, правда!

Глаза у Ромки сделались самыми что ни на есть честными, но Олег Викторович все равно ему не поверил.

– Не берусь спорить. Просто я считал, что ты головой думаешь, а не другими местами.

– Я и думаю головой. Я же умный, и ты это прекрасно знаешь.

– Ромочка глупенький, – вдруг, грассируя, высказался попугай из своей клетки.

– Видишь, и приятель твой со мной согласен, – улыбнулся Олег Викторович.

Ромка погрозил попугаю кулаком. Вообще-то он учил его говорить «Попочка глупенький», но поскольку Попка оказался таким же нерадивым учеником, как и его хозяин, то говорил неразборчиво, и вместо «Попочка» у него получалось то «Омочка», то «Ромочка», где буква «Р» звучала так, будто ее произносил настоящий француз.

А отец продолжал:

– Неужели ты не можешь сесть и просто-напросто выучить историю, чтобы не притворяться хромым, глухим или слабовидящим?

– Я учил, – не сдавался Ромка.

Олег Викторович махнул рукой:

– А я-то хотел вам новый компьютер купить. Но раз у тебя «хвосты», то и делать для тебя ничего не хочется.

Ромка от радости подпрыгнул и повис на отце.

– Я подтянусь, вот увидишь! Сейчас же за уроки возьмусь! – Он достал из сумки учебники, разложил на столе. – Вот, все, уже учу. Так когда у нас будет новый комп?

Но Олег Викторович был неумолим:

– Сначала подтянись. А я зайду в школу и проверю, куда поползет кривая твоей успеваемости.

– Вверх! – завопил Ромка. – Вот увидишь, что вверх. Я покорю вершины всех наук.

– Ты прямо стихами заговорил. Но тогда и никаких реклам. Хватит, поработались. Каникулы начнутся, тогда, пожалуйста, занимайтесь чем угодно.

С этим Ромка смирился еще охотней. Он и сам решил, что с переставшим приносить доход сбором рекламы пора кончать.

– Слышь, Лешка, – с ликованием зашептал он, когда сестра, погуляв с собакой, вошла в комнату. – Папа нам комп обещает, если мы перестанем рекламой заниматься, а я учиться лучше стану. Но ты прикинь, – Ромка досадливо поморщился, – Антон опять на меня нажаловался. А мне ему еще и зачет сдавать, причем письменный.

– Представляю, – вздохнула Лешка. – Мы тоже Антону историю на листике пишем. А про рекламу я тебе уже все сказала. Без знакомых ее собирать трудно.

– Согласен. – Ромка внезапно задумался. – А как ты думаешь, что лучше: написать по истории «шпоры» или ты мне на мобильник вопросы диктовать станешь? Нет, не годится, телефон Антон засечь может. Ох, еще и диктовать-то не с чего, – спохватился он.

– Я думаю, что лучше тебе темы к этому зачету просто-напросто выучить, – совсем как папа, назидательно сказала Лешка. – Неужели так трудно?

– А что, легко? У меня что, других забот нет?

– По-моему, сейчас нет. И потом, ты ведь так легко все запоминаешь! Я вообще удивляюсь, почему ты у нас не отличник. Столько изречений знаешь из «Закона Мерфи» и всяких своих философ.

– Я запоминаю только то, что мне интересно. А что нет – никак в голову не лезет, – сокрушенно вздохнул Ромка. – История эта такая скучная!

– А ты возьми и заинтересуйся. Что тебе Антону сдавать-то надо?

– Прикинь, он совсем сбесился: задал нам эпоху Петра Первого, и хоть ты тресни, а Расскажи ему, что там творилось, во всех подробностях. Олег Пономарев, к примеру, в своей школе этого еще не проходил.

Лешка пожала плечами:

– Так бери учебник и вникай.

– В том-то и дело, что в учебнике этого нет. Верней, что-то есть, но Антон требует, чтобы мы лекции писали, то есть записывали все то, что он там бормочет себе под нос.

– Ну и писал бы.

– Вот еще! Я сижу далеко. И в то, что он бубнит, не вслушиваюсь.

– Ну и зря. Тогда попроси тетрадь у кого-нибудь, кто близко к доске сидит и все пишет.

– У кого? Все сейчас сами учат, к зачету готовятся.

– Значит, твое дело плохо, – резюмировала Лешка. И вдруг ее осенило: – А у Славки нельзя? У него ведь Антон Матвеевич тоже ведет историю.

– И Славка учит. Ему тоже зачет сдавать надо. Хорошо ему, отличнику, небось и без лекций все знает.

– А ты возьми у него тетрадку и сделай с нее ксерокопию. Что за проблема? Ты же у нас детектив, а такой простой вещи сообразить не можешь.

– И верно! Лешка, ты гений! Прямо как я. А Антоновы лекции можно на диктофон записывать. И почему я раньше этого не делал? А сейчас и в самом деле Славке позвоню, тетрадку у него попрошу, он мне не откажет.

Весело посвистывая, Ромка направился к телефону. Но не успел поднять трубку, как телефон затрезвонил сам, причем звонок был не совсем такой, как всегда, а более пронзительный, то есть международный. И то была лучшая мамина подруга Элеонора, которая жила в Америке, в самом Голливуде, занималась кинобизнесом и периодически появлялась в Москве. Брат с сестрой ее обожали, потому что она, как добрая волшебница, всегда исполняла все их желания.

– Эля! – радостно закричал Ромка, услышав знакомый голос. – Как ты живешь, когда приедешь?

– Через день, – порадовала его мамина подруга. – Я сейчас в Будапеште на кинорынке, совсем недалеко от вас.

Трубку взял Олег Викторович, а Ромка довольно потер руки:

– Класс! Мы послезавтра из школы придем – а Эля уже здесь!

Вздыхнув, он достал из сумки тетрадку по физике. Хорошо еще, что папа их физика не встретил, а тот ему пока не звонил. А то б наговорил про него всякого похлеще Антона. Вот как ее решать, эту задачку? Работал бы комп, он бы переслал ее по Интернету Артему в Англию, и тот бы ее вмиг расщелкал, как орех. Да, жаль, что Темки с ними нет. И Лешка по нему скучает, хоть и не показывает виду. Хоть бы Эля привезла с собой ноутбук, чтобы они с Лешкой могли слать электронные письма из дома, а не бегать для этого по друзьям.

Задачу Ромке помог решить друг и сосед Славка. И тетрадь по истории он ему дал, а Олег Викторович пообещал завтра же сделать с нее копию у себя на работе.

Через день, когда Ромка с Лешкой, торопясь, прибежали из школы домой, американская гостя уже заканчивала раскладывать свои вещи. В комнате появились ожидаемый ими ноутбук, куча дисков, рабочие тетради, киножурналы и много всякого другого, что требовалось ей для работы.

Лешка, увидев мамину подругу, восторженно взвизгнула и кинулась ей на шею. Ромка сдержанно погладил Элю по плечу:

– А мы тебя ждали.

Американка прижала к себе обоих детей, чмокнула Лешку в левую, а Ромку в правую щеку, выдала им обоим по огромному темно-бордовому пластиковому мешку с подарками и, взяв в руки свой плащ, сказала:

– А сейчас мне нужно навестить одну старую женщину. За этим, собственно, я и прилетела в Москву прямо из Будапешта, хотя собиралась сделать это несколько позже.

– Ты же только что вошла! – выскочив из кухни, вскричала Валерия Михайловна. – Сейчас обедать будем. Поешь, отдохни!

– Потом, – ответила Эля и помедлила. – Вот кофе, пожалуй, выпью.

Валерия Михайловна принесла подруге свежесваренный кофе. Эля села и стала объяснять, какую женщину она собирается навещать.

– У меня в Лос-Анджелесе есть подруга, Лида. Она немного старше меня, дочь у нее уже взрослая, Викки ее зовут, по-американски, а попросту Вика, так как родилась она здесь, в Москве, но с детства живет в Штатах – они туда переехали лет двадцать тому назад. А Софья Яковлевна, к которой я сейчас собираюсь, – Лидочкина тетка, и Лида всегда считала ее своей родной матерью. Родители Лиды трагически погибли в автокатастрофе, когда она была совсем маленькой, и Софья Яковлевна взяла ее на воспитание и полюбила, как родную дочь. Своих детей она не имела. Но время на месте не стоит, теперь она совсем старенькая и, кажется, серьезно заболела. Совсем недавно перенесла очередной сердечный приступ. Понятно, что Лида и Вика волнуются, поэтому Лида мне в Будапешт позвонила и попросила слетать в Москву, выяснить, как на самом деле все обстоит. Тем паче что у меня и своей работы в Москве навалом.

Валерия Михайловна пожала плечами и резонно заметила:

– Часом раньше, часом позже, какая разница?

– В общем-то, никакой, но хочется скорее отделаться от этого поручения, чтобы душа не болела. А то буду с вами сидеть, а сама дергаться, что там да как. Не люблю, когда на мне висит какое-то дело. – Эля поставила чашку на стол и решительно поднялась. Надевая плащ, она добавила: – Понимаешь, Лера, Софья Яковлевна недавно сообщила, что составила завешание, и это их еще больше насторожило.

– Почему? – удивилась Валерия Михайловна. – Что в этом такого, если старый человек завешание составляет? Это в порядке вещей.

– В принципе да, но только не для Лидиной тетки, – она всегда себя молодой считала, за собой следила и на тот свет не собиралась. А теперь, значит, сильно сдала. Ну, допустим, она смирилась и признала себя наконец старушкой. Это тоже объяснимо. Но дело в том, что

поскольку они довольно часто звонят ей из Америки, то в последнее время стали замечать разительные перемены в ее поведении. Например, ей кажется, что у нее в квартире кто-то бывает. Она частенько говорит что-то невнятное, какими-то намеками, и постоянно чего-то или кого-то опасается. Лида боится, что у нее наступил старческий маразм, и тогда одну ее оставлять больше нельзя. Лида же пока в Москву вырваться не может из-за работы, а Вика уже собралась сюда лететь, да вдруг простудилась. А у меня виза открыта. Ну я и согласилась посмотреть, насколько серьезно то, что происходит с их близкой родственницей.

– А далеко она живет? – спросила Лешка. Они с братом, стоя рядом, внимательно слушали Элин рассказ.

– Отсюда совсем близко, в Медведкове, причем рядом с метро. Но я поймаю на дороге машину, чтобы попасть к ней еще быстрее.

– На тачке быстрее не будет, – убежденно сказал Ромка. – Мы с Лешкой часто ездим к своим знакомым на «Бабушкинскую», станция эта перед «Медведково» находится. И если на метро, то всегда вовремя приезжаем, а когда на какой-нибудь машине, то каждый раз на дороге застреваем в пробке.

– Ну что ж, можно и на метро, – легко согласилась Эля.

– Давай я поеду с тобой, – предложила Валерия Михайловна.

– Лучше мы с ней поедem, – сказал Ромка. Он уже успел заглянуть в свой пакет и, обнаружив маленький фонарик с часами, компьютерные игры, красивые легкие кроссовки, довольно улыбнулся. – Интересно взглянуть на старушку и ее дом. Вдруг у нее и вправду кто-то там затаился?

– Очень хорошо, – сказала Эля. – Одна я и заблудиться могу, поскольку Москву уже забывать стала.

– А можно я в новых кроссовках пойду? – спросил Ромка, доставая из мешка Элин подарок.

– Конечно, они же твои, делай с ними, что хочешь.

Ромка быстро поменял обувь и принялся надевать куртку. Лешка оделась еще быстрее и задержала взгляд на новой Ромкиной обуви.

– Странно, – сказала она. – Сначала мне показалось, что твои кроссовки серые с черным, а они еще и белые.

Ромка приподнял левую ногу и оглядел ее.

– Ничего белого нет.

– А ты стань вот сюда, – указала Лешка.

Ромка подошел ближе к окну и, едва удерживая равновесие, вытянул вперед ногу.

– Смотри-ка, а теперь вставка и вправду белая. И на носке кусочек такой же. Почему так? – спросил он Элю.

– Не знаю, – ответила она. – Я их особенно не разглядывала. Они мне понравились, я их тебе и купила.

– Наверное, на этом материале имеются малюсенькие ворсинки, и они, в зависимости от того, как падает свет, по-разному отливаются, – заключила Лешка. Бросившись к своему пакету, она вытащила из него похожие на Ромкины, но более светлые, яркие и, как их ни верти, не меняющие свой свет кроссовки и тоже переобулась.

В вагоне метро Ромка снова с удовольствием осматривал свои ноги. Повернешь так – вставка серая, эдак – серебристая, а взглянешь сверху – белая. Да еще сверкает, словно шелковая. Блеск! А на сверкающем носке яркими желтыми нитками вышита буква С. Прямо как золотая!

– А эта твоя подруга Лида кем работает? – между тем спросила Лешка Элю.

– Лидочка – бухгалтер, а ее дочь Вика тоже, как и я, в кинобизнесе занята. Выздоровеет – прилетит и к бабушке, и ко мне – мы с ней вместе работаем. – Эля села ровно, чтобы в шуме

метро ее было лучше слышно. – У этой семьи очень интересная история. В начале прошлого века они жили в центре, на Арбате. Но после революции Лидочкины прадед с прабабкой и своими детьми остались в коммуналке, то есть в двух маленьких комнатках своей собственной огромной квартиры, куда подселили других людей. В этой самой квартире родились и Софья Яковлевна, и Лидочкина мама, которая, выйдя замуж, переехала в другое место. А после ее гибели Лидочка снова на прежнем месте поселилась, и Вика там на свет появилась. К сожалению, с мужем своим, Викиным отцом, Лида довольно скоро разошлась, и стали они жить вчетвером: муж Софьи Яковлевны тогда еще был жив. Потом кому-то понадобилась их огромная коммуналка, и всех жильцов расселили кого куда. Вот им и досталась двухкомнатная хрущевка в Медведкове. Поначалу они и ей были очень рады – отдельное жилье, своя собственная кухня.

– И что ж тут интересного? – удивился Ромка.

– Пока ничего. А скажите мне, пожалуйста, знаете ли вы, кто такой Брюс? – ни с того ни с сего спросила Эля.

– Конечно, – сказала Лешка. – Это Брюс Уиллис. «Крепкий орешек», «Пятый элемент», «Шестое чувство»... Я много фильмов с ним видела.

Эля улыбнулась.

– Я не Уиллиса имею в виду, а графа Якова Брюса, сподвижника Петра Первого.

Лешка задумалась, а Ромка торжествующе оглядел своих спутниц и снисходительно бросил:

– И этого знаем. – И небрежно пожал плечами. – Кто ж его не знает?

Достав из сумки копию Славкиной тетрадки, он полистал ее и стал громко читать, периодически запинаясь, так как плохо разбирал почерк друга.

– Вот, пожалте вам, Яков Вилимович Брюс – потомок знатного шотландского рода. Входил в состав Великого посольства Петра Первого, изучал астрономию и математику в Лондоне у Ньютона и Лейбница. Неразлучный спутник царя во всех военных кампаниях, сенатор, оказывал большое влияние на взгляды и интересы царя. Кроме того, он занимался издательским делом и выпустил первый русский гражданский календарь, а также по велению Петра составлял наставление для молодых отроков и девиц дворянского сословия, оно называлось «Юности честное зерцало». В этом наставлении помещались азбука, таблицы слогов, цифр и чисел, то есть оно являлось пособием по обучению гражданскому шрифту и арабскому написанию цифр... – Ромка оторвался от листков. – Еще почитать? Но почему ты об этом спрашиваешь?

– Хватит читать. Все верно, – сказала Эля. – Дело в том, что этот Яков Брюс – один из предков Софьи Яковлевны.

– Ух ты! Сколько ж веков прошло! И кем же она ему приходится?

– Теперь уж и не понять, кем. Лида смеется и говорит, что седьмая вода на киселе.

– Послушай, – Ромка схватил Элю за руку. – Если он граф, то она, значит, графиня?

– Должно быть. Только кто теперь придает значение всяким титулам? Тем не менее семья всегда гордилась этим родством.

– А Брюс этот был не только ученым, но и коллекционером, и очень богатым человеком. Вот, здесь об этом тоже написано. Им от него что-нибудь досталось?

Эля покачала головой:

– Конечно, нет. Если что-то давным-давно и имелось, то сначала в революцию, а потом во время войны все пропало. Продавали, исчезало... Ведь люди думали тогда не о вещах, а о том, как уцелеть при всех тех катаклизмах, что принесло с собой двадцатое столетие.

– Жаль, – вздохнул Ромка. – Сейчас бы посмотрели на какой-нибудь раритет.

– Сейчас и посмотришь. На старушку, – сказала Лешка.

Глава II

Визит к старой графине

Все трое вышли из метро, довольно быстро нашли пятиэтажную хрущевку, нажали на кнопку домофона, и через некоторое время испуганный голос глухо спросил:

– Кто там?

– Знакомая Лидочки, вашей приемной дочери, – ответила Эля.

Дверь открылась. Эля с ребятами поднялись на второй этаж, подошли к седьмой квартире.

Лешка ожидала увидеть робкую маленькую бабульку, Ромка представлял себе сухую и чопорную старуху – так, по его представлениям, должны были выглядеть немолодые графини. Однако стоящая перед ними старая женщина оказалась совсем другой. Среднего роста, с интеллигентным, очень приятным лицом с голубыми добрыми и внимательными глазами. А вот держалась она прямо и с достоинством.

«И впрямь как графиня», – подумала Лешка, оглянувшись на брата.

Однако когда-то красивый шелковый халат «графини» был сильно потерт, а квартира, в которую они протиснулись все разом, оказалась запущенной. Сильно пахло сердечными каплями.

Хозяйка квартиры пригладила седые волосы, незаметно оправила складки на своем халате и вопросительно посмотрела на вошедших.

– Здравствуйте, Софья Яковлевна, – сказала Эля. – Я к вам из Лос-Анджелеса прилетела, от Лиды с Викой.

Старушка побледнела, схватилась за сердце и, прошептав: «Что с ними?» – вся обмякла и без поддержки гостей, наверное, упала бы на пол.

– Нервы у нее – того, – прошептал Ромка Лешке.

– Не волнуйтесь, с ними все в порядке! – воскликнула Эля. Она подвела Софью Яковлевну к кровати за зеленой ширмой, помогла сесть и извлекла из своей сумки фотоальбом. – Вот, смотрите. Здесь Лидочка у себя дома. А здесь – в кафе. А это Вика в Диснейленде... Я их близкая подруга, в Москве оказалась по делам, потому-то они и попросили меня вас проводить.

– А сами они никак не могут меня повидать? Сколько уж лет их жду не дожусь.

– Вика скоро приедет. Буквально через несколько дней. Они с Лидой просили передать, что очень вас любят и тоже за вас волнуются. А позавчера вы не подошли к телефону, а ваша соседка сказала, что вам было плохо с сердцем.

– Зря они беспокоились, мне уже гораздо лучше, – сказала Софья Яковлевна и повторила: – Гораздо лучше. А если Виконька приедет, то я прямо-таки скакать от счастья стану.

«Сама себя обманывает», – подумала Лешка, глядя на трясущиеся руки и бледное, бескровное лицо старой женщины.

Состояние Софьи Яковлевны не укрылось и от Эли.

– Может быть, вам пока лечь в больницу? – спросила она.

– Что ты! – Софья Яковлевна замахала руками. – Я не могу бросить Кису. И вообще, как можно оставить дом, когда сюда постоянно кто-то приходит? И днем, и ночью. Вот, опять кто-то крадется. Слышите? – и она указала на вторую комнату.

Ромка прислушался. И впрямь там что-то шуршало. Он вбежал туда, и среди убогой обстановки ему бросились в глаза большие узлы и картонные коробки, словно хозяйка замыслила переезд. Ромка выглянул в окно. Какой-то дряхлый дед вез по асфальту старую

тележку с чем-то набитым мешком, и она громко и противно дребезжала. Вот и объяснение непонятных звуков.

– Это на улице шум, – сказал он, вернувшись в первую комнату, но почему-то состояние тревоги, передавшееся ему от хозяйки квартиры, никуда не исчезло. Он снова вышел и заглянул в ванную – не затаился ли там кто, но никого не обнаружил и снова пошел ко всем.

А со шкафа свесила вниз круглую головку с маленькими торчащими вверх ушками и круглыми желтыми глазами большая черная кошка. Она спрыгнула вниз, презрительно оглядела непрошенных гостей, вскочила на кровать Софьи Яковлевны и с важностью разлеглась на подушке. Очевидно, это было ее законное место, так как ее хозяйка ласково погладила кошку по спине, а затем протянула руку к тумбочке с многочисленными пузырьками и коробочками. На блюдечке лежали два кусочка рафинада.

– Накапай мне на сахар, – попросила она Элю, подав ей один из пузырьков. – Двадцать капель.

Эля взяла пузырек, сосчитала до двадцати и протянула старушке ставший желтым и резко запахший лекарством кусочек сахара. Софья Яковлевна положила лекарство под язык.

Эля вышла в кухню, подошла к допотопному холодильнику «ЗИЛ» и, кроме небольшого кусочка засохшего сыра, ничего в нем не обнаружила. А кошка вскочила с подушки, подошла к ней и требовательно сказала:

– Мяу.

– Она рыбу просит. Возьми из морозилки и положи в мисочку, – подсказала хозяйка.

Из морозильной камеры Эля извлекла две малюсенькие рыбешки и огляделась в поисках посуды.

Лешка давно заметила грязную корчажку за ширмой рядом с кроватью старушки и все пыталась сообразить, для чего она предназначена. Для ночного горшка вроде маловата. А сейчас до нее дошло – это же кошкина миска. Должно быть, в горшке раньше рос цветок, а возможно даже, в нем что-нибудь запекали в духовке. К его краям присохли остатки пищи.

– Вот деньги, – обращаясь к брату с сестрой, сказала Эля. – Сбегайте в магазин, купите сыру, колбасы, творогу. Курицу не забудьте. Хлеб. И еды для кошки.

– Не забудем, – кивнула Лешка.

– Слушай, как ты думаешь, почему у нее так бедно, раз она наследница Якова Брюса, а ее родственники в Америке? Ну ладно, пускай от этого старинного Брюса у нее ничего не осталось, но американцы-то должны о ней заботиться? Иначе зачем тогда они ей звонят и Элю подсылают? – озабоченно выпалил Ромка, когда они вышли на улицу.

Лешка недоуменно пожала плечами:

– Я и сама не пойму. Потом у Эли спросим.

– И почему она все время прислушивается и говорит, что у нее кто-то ходит?

– Глюки, наверное. Или маразм. Эля же говорила. Со стариками так часто бывает.

Возвращаясь обратно с покупками, на лестничной площадке у самой двери брат с сестрой столкнулись с женщиной, вышедшей из соседней квартиры.

– Вы кто? – строго спросила она.

– Мы это... Друзья подруги племянницы Софьи Яковлевны, – чуть не запутался Ромка, слегка оробев от строгого взгляда соседки. Но лицо ее вмиг подобрело.

– Вот, значит, как. Хорошо, что приехали, а то она, бедненькая, за последнее время совсем сдала. Мне ей помогать особо некогда, с утра до ночи на работе, это сегодня у меня день свободный выпал. А вот когда у меня отпуск был, пришлось за ней ухаживать. Правда, ее американские родственники меня потом хорошо отблагодарили, посылку большую прислали, Юрке моему одежду и обувь и мне кое-что. Они мне из своей Америки часто звонят, когда до нее дозвониться не могут. Хотя я бы и так за ней присматривала, поскольку хорошо

к ней отношусь и знаю, что когда нужно сделать: я медсестрой работаю. К сожалению, позавчера у нее снова приступ случился. И, мне кажется, она соображать хуже стала.

– Мы заметили. А как вас зовут? – на всякий случай спросил Ромка.

– Анна Степановна.

– А у вас и ключи от ее квартиры есть?

– Конечно, есть. Она не всегда сама дверь открыть может. А если совсем сляжет, что ж тогда, ломать ее?

– А еще ей мерещится, что у нее кто-то по квартире ходит. Она вам об этом говорила?

– Я ж вот и думаю, что у нее после болезни с головой не все в порядке. Ей бы лечение хорошее, сиделку настоящую или в больнице какой подлечиться. Да она ничего не хочет.

– А у нее здесь больше никого нет?

– Была одна подруга, она умерла. И есть еще старый друг, Павел Демидович, он ее частенько раньше навещал, а теперь куда-то делся. – Анна Степановна помолчала, что-то припоминая. – Точно, он у нее в тот день был, когда она завещание составляла, а больше не появлялся. Я это хорошо потому запомнила, что сама по ее просьбе к ней нотариуса вызывала.

– А чего она завещала? И кому? – с большим интересом спросил Ромка.

– Квартиру и какой-то антиквариат она отписала Виктории, своей внучатой племяннице. Хотя у Вики в Америке, я думаю, и так все есть. С другой стороны, квартира ее должна же кому-то достаться. А завещание свое она Павлу Демидовичу на сохранение отдала. И после того еще хуже стала себя чувствовать, все ей что-то мерещится: призраки, говорит, по ее комнатам бегают.

– Это мы уже слышали, – кивнул Ромка.

Пока Эля варила куриный бульон, брат с сестрой изложили ей разговор со словоохотливой соседкой.

– Она нам еще про какого-то Павла Демидовича говорила, у которого ее завещание, – добавила в конце Лешка.

Эля кивнула:

– Хорошо, что вы мне о нем напомнили. Я должна с ним связаться. Лидочка с Викой его хорошо знают: это старинный друг Софьи Яковлевны. Они в той самой коммуналке на Арбате соседями были, росли вместе, потом он в военное училище поступил и дослужился до генеральского чина. Теперь уже давно в отставке, живет с внуками, а дочь его с мужем в Магадане, все никак не уедут оттуда. У Лиды на Павла Демидовича и была вся надежда, что он за ее теткой присмотрит, да только оказалось, что старик сам в больницу слег. Не просить же внуков со старухой сидеть, у них и своих забот хватает, учатся оба. Соседка права, старушке надо либо сиделку искать, либо в больницу ее определять.

На подоконник с независимым видом запрыгнула кошка, грациозно разлеглась и лениво сощурилась.

И тут только Лешка увидела, что шерсть у нее вовсе не черная, а темно-коричневая, блестящая, переливающаяся на свету. Она протянула руку к пушистой спинке зверька.

– Красивая какая, да?

– Очень, – залюбовалась кошкой Эля.

– Я отсюда никуда не поеду, – раздался вдруг решительный старческий голос. Софья Яковлевна с трудом добралась до кухни и услышала их разговор. Со слухом у нее, очевидно, все было в порядке. – Если при мне неизвестно кто сюда ходит, то что же будет, если я отсюда уеду? Хотите, чтобы моя девочка, моя Вика всего лишилась?

Она сказала это таким тоном, с такой убежденностью, что Ромке опять стало не по себе, захотелось заглянуть еще и в шкаф, и под кровать и проверить, не сидит ли там кто-нибудь.

– Но чего здесь лишаться-то? – тряхнув головой, с удивлением спросил он.

Софья Яковлевна взглянула на него с испугом и огорчением.

– Пока не придет внучка, я никуда не поеду, и никто мне здесь не нужен, никакие сиделки, и сама справлюсь, – твердо сказала она и медленно побрела назад.

Лешка проводила ее взглядом. Софья Яковлевна старалась держаться прямо, с достоинством, как и положено настоящей графине. И точно так же вела себя ее кошка.

– Хорошо, хорошо, – миролюбиво сказала Эля, – мы не станем ничего делать без вашего согласия.

Она приготовила куриную лапшу, поставила тарелку Софье Яковлевне на тумбочку, положила кошке в ее ужасный горшок небольшую свежую рыбку. Кошка с урчанием тут же вытащила ее из горшка на пол и громко зачавкала.

– Она породистая, да? – спросила Лешка.

Старушка с умилением посмотрела на свою любимицу и покачала головой:

– Нет, но разве это важно? Когда Лида с Викой уехали в свою Америку, а муж мой внезапно умер, я завела себе кошку. Нашла на улице бездомного котенка и принесла домой. А это уже ее внучка, в третьем, стало быть, поколении. Вдвоем не так тоскливо. Я бы и собакой обзавелась, да с ней гулять надо, а мне тяжело. Как же плохо быть одной!

– Теперь все изменится, вот увидите, – ласково сказала Эля. – В общем, так. В холодильнике творог, молоко, йогурт. На плите суп. На сегодня вам хватит, а завтра мы приедем опять. Вечером я позвоню Лиде, скажу ей, что у вас все в порядке. Впрочем, вы и сами ей об этом по телефону скажете. Договорились?

Софья Яковлевна кивнула:

– Спасибо тебе, деточка. Извини, если сказала что не так. А альбом с моими девочками ты мне оставишь?

– Конечно, я же его для вас привезла. Ну, до завтра?

– До свидания, – попрощались и Ромка с Лешкой.

Старушка снова поднялась с постели, чтобы запереть за ними дверь, и не закрывала ее до тех пор, пока они не спустились вниз. А когда они на полпути оглянулись, помахала им рукой и, отринув свою независимость, с надеждой спросила:

– Так я вас завтра жду?

– Конечно, – заверила ее Эля.

– Старая какая, – прошептал Ромка. – Жалко ее, бедную.

– Странная, но хорошая, – добавила Лешка. – Кошку любит.

– Вам завтра в школу идти? – спросила Эля, когда они, покинув старую пятиэтажку, вышли на улицу.

– Суббота же, – ответила Лешка. – Какая школа?

– Ну и отлично. Значит, с утра приедем сюда вместе и хоть немного уберемся в квартире.

– О-ох! – громко вздохнул Ромка.

– В чем дело? – подняла брови Эля.

– А он ленивый у нас, работать не любит, – пояснила Лешка.

– Совсем я не ленивый. Просто не люблю напрасный труд. Ты грязь убираешь, а она опять скапливается. И какой же смысл в уборке? Вот была бы у нас такая машина, которая сама бы пыль собирала!

– Такая машина есть, – сказала Лешка. – Пылесос называется.

Ромка махнул рукой:

– Не остроумно. В Японии, к твоему сведению, робот-уборщик имеется.

– Подрастешь, и будет у тебя такой робот, – примирительно сказала Эля. – Технический прогресс на месте не стоит. А пока нам предстоит воспользоваться тряпкой и примитивным

пылесосом. Кажется, я его у Софьи Яковлевны в прихожей видела. А впрочем, уборка у нас еще под вопросом. Старушка может и не разрешить трогать ее вещи.

– А зачем ей ширма? – спросил Ромка. – От кого отгораживаться, одна живет?

– В тесных коммунальных квартирах хотелось иметь уединенные уголки, вот люди и заводили себе подобные вещи, – пояснила Эля. – А расставаться с привычным старикам всегда трудно.

– А почему Лида с Викой ее с собой в Америку не взяли? – Лешка забежала с другого бока и взяла Элю под руку. – И, кстати, почему она так бедно живет?

– Не они ее не взяли, а она сама не захотела уезжать. Тогда еще был жив ее муж, и ей нравилась ее работа. А насчет бедности... Сама удивляюсь. Неловко было ее об этом спросить, надо будет у Лиды поинтересоваться. Насколько мне известно, она ей постоянно помогает с деньгами. – Эля посмотрела на часы. – Ну ладно, вы отправляйтесь домой, а мне надо еще в одно место на минутку заскочить, а то не успею со своими собственными делами управиться. Скажете своей маме, что скоро я буду в ее полном распоряжении. О'кей?

– О'кей, – кивнули брат с сестрой.

Вечером Эля, как и собиралась, позвонила Лиде в Лос-Анджелес, а потом вкратце передала брату с сестрой содержание своего разговора.

– Вике уже легче, горло проходит, через неделю она приедет. А до этого, если Софья Яковлевна продержится, не будем ее никуда определять и сиделку нанимать, если она не хочет, тоже. Жаль, что Лидочка прилететь не сможет. И еще они очень удивляются, что старушка бедно живет, они ей постоянно помогают. Надо будет ее сберкнижку проверить. А с уборкой пока повременим.

– Ура! – воскликнул Ромка. – Значит, я завтра свободен?

Он намеревался съездить со своим дворовым дружкой Олегом Пономаревым на Воробьевы горы, где собираются скутеристы, и покататься на крутой «табуретке». Это куда приятнее, чем в чужой квартире пыль собирать.

– Конечно, никто тебя не держит. Если только не захочешь съездить со мной на «Горбушкин двор».

– На «Горбушку»? – Ромка даже подпрыгнул от восторга. – Захочу, конечно, захочу! А во сколько?

– Навестим Софью Яковлевну, и если у нее все в порядке, то возьмем машину – и туда. – Порывшись в своем блокноте, Эля набрала другой номер и, услышав чье-то «алло», поздоровалась, представилась и спросила: – А Павел Демидович все еще в больнице? Да, мы знаем, что он болен, но что с ним такое? Ему самому мы по мобильному звонили, но он не отвечает. Инфаркт?! Боже мой!

Лешка внимательно наблюдала за Элей и даже непроизвольно повторяла ее мимику. Но помрачневшее поначалу лицо их гости вдруг просветлело:

– Выписывается? В понедельник? Хорошо, тогда я ему и позвоню. До свидания, всего доброго. – Эля положила трубку и раздумчиво сказала: – Голосок какой-то детский. Внучка, очевидно. Ну надо же, у него, оказывается, инфаркт. Да, старость, как метко сказано, совсем не радость. Кстати, чтобы успеть на «Горбушкин двор», надо из дома завтра пораньше выйти.

А затем она набрала еще чей-то номер телефона и заговорила о каких-то привезенных ею документальных фильмах, которые непременно надо вставить в телевизионную сетку. Об этом брат с сестрой слушать не стали, занялись каждый своим делом. То есть Ромка открыл копию Славкиной тетрадки и стал искать, что там еще написано про графа Якова Брюса и его имущество, а Лешка примерять обновки, привезенные Элей.

Глава III

Бомж в кроссовках

Утром, несмотря на субботу, все трое, как и собирались, встали очень рано. А Лешка – самая первая. Тяжело вздыхая, она поднялась с раскладушки – ее диван был предоставлен гостю – и повела на улицу Дика. В другой выходной она бы еще спала и спала, а Дик терпеливо лежал бы на полу рядом и лишь тихим сопением напоминал ей о своем существовании и насущных потребностях. Но сегодня псу повезло. Ждать прогулки долго не пришлось, и он, весело помахивая хвостом, выскочил во двор. Его зевающая хозяйка нехотя плелась сзади. Она даже не поиграла с ним, как обычно: не стала бросать вдаль палки и камешки, как пес ни тявкал и ни просил ее доставить ему такое удовольствие.

Вернувшись, Лешка пощекотала торчащую из-под одеяла Ромкину пятку, так как Эля уже варила на кухне кофе и готовила свой порридж, а говоря попросту, овсяную кашу, которую брат с сестрой терпеть не могли. Ромка неохотно приоткрыл один глаз, потом упрямо повернулся на другой бок. Но, вспомнив про «Горбушку», мигом вскочил и побежал умываться.

Но сначала их путь лежал в Медведково. Подойдя к уже знакомой пятиэтажке, они позвонили в домофон, потом еще раз и еще, но никто не отозвался на их звонок.

– Что же там могло случиться? – растерянно проговорила Эля.

Ромка вспомнил про соседку и набрал номер ее квартиры. Объяснив, в чем дело, они вошли в подъезд. Анна Степановна имеющимся у нее ключом уже открывала дверь в квартиру старушки.

На пороге их встретила кошка. Взглянув на них желтыми глазами и задрав хвост, она, опережая вошедших, быстро пошла вперед, словно приглашала всех за собой.

Лешка сразу почувствовала недоброе. Сделав пару шагов по маленькой прихожей, она вошла в комнату и заглянула за ширму. Да так и замерла, ухватив брата за руку. Старушка с заострившимся носом и пожелтевшим лицом неподвижно лежала на своей кровати.

Женщины со всех ног кинулись к ней.

– Ух, – еле выдохнула Эля, дотронувшись до лица Софьи Яковлевны. – Кажется, жива. – Она взяла ее руку, посчитала пульс, потом отпустила. Рука безвольно упала на одеяло. Старушка открыла глаза. Взгляд у нее был мутный, рассеянный.

– Что с вами? – спросила соседка.

Но ответа не последовало. Анна Степановна с сочувствием посмотрела на Элю и снова наклонилась к кровати:

– Софья Яковлевна, вы можете говорить? Вы нас узнаете?

Старушка попыталась что-то сказать, приподнять голову, но не смогла даже пошевелиться.

– Боже мой, да ее, кажется, парализовало! – воскликнула соседка. – Никак инсульт?! Софья Яковлевна, да скажите же нам хоть что-нибудь, – взмолилась она.

Старая женщина приоткрыла рот, и Лешка скорее поняла, чем услышала, как она, скосив глаза на кошку, еле слышно и малопонятно выговорила:

– Киса.

– Совсем язык не ворочается. Точно, парализовало, – вздохнула Анна Степановна. – Надо «Скорую» вызывать.

Но Эля со словами: «Ее надо определить в хорошую больницу» – позвонила в какую-то частную медицинскую компанию, и очень скоро в квартиру вошли люди в белых халатах.

Осмотрев больную, врач подтвердил опасения соседки:

– Инсульт.

– Мы так и поняли, – кивнула Эля.

– А это может пройти? – с замиранием сердца спросила Лешка.

– Всякое бывает, – ответил доктор.

Двое санитаров, сдвинув ширму, аккуратно положили Софью Яковлевну на носилки, и по морщинистой щеке старушки медленно скатилась большая слеза. Лешке стало ее безумно жалко, и она тихонечко погладила ее по седой голове.

– Я поеду с ней, – сказала Эля. – Оформлю документы, оплачу счет, посмотрю, кто за ней будет ухаживать, и вернусь сюда. А вы подметите хотя бы пол. А вот и ее ключи, кстати. Так что свои вы можете забрать, – сказала она Анне Степановне.

Ромка скосил глаза. Ключи лежали на тумбочке у опустевшей кровати, по которой в растерянности туда-сюда ходила кошка. В окно блеснуло солнце, и ее шерсть сверкнула золотом, словно изнутри Киса была сделана из драгоценного металла и, подобно сказочной принцессе, лишь прикрывалась своей волшебной шкуркой.

Анна Степановна поднесла к глазам платок:

– Бедная тетя Соня.

– Может, она еще поправится, – с надеждой сказала Лешка. – Слышали, что сказал врач?

– В семьдесят пять-то лет? Дай ей бог. Хотя он прав, всякое бывает. Я на своей работе за много лет чего только не насмотрелась. У меня самой есть одна знакомая, которой под девяносто. Так она решила навестить своих родственников в Америке. Пробыла там полгода, назад вернулась и продолжает жить в свое удовольствие. Может, и тетя Соня еще к своим поедет.

И тут до них донесся басистый голос:

– Мам, ты где?!

– Здесь я, здесь, – отозвалась соседка. Она пошла к двери и обернулась: – Вы ей думочку, ну, подушечку ее, не забудьте в больницу отнести. Я забыла вашей Элеоноре сказать, а она без нее не засыпает.

Лешка кинулась к кровати и увидела, что рядом с большой подушкой лежит совсем маленькая.

– Эту?

– Эту, – кивнула женщина.

– Что это она так вдруг? – оглядев опустевшую постель, потерянно сказал Ромка. – Вроде как еще вчера ничего была, разговаривала.

– В ее возрасте в любой момент может случиться всякое, – грустно вздохнула сестра.

Солнце ушло за тучи, и в без того мрачном, с низкими потолками жилище стало еще тоскливее. Тяжело вздохнув, Ромка отправился в другую комнату.

– Интересно, Лешк, что у нее в этих узлах и коробках? Давай позырим.

Он приоткрыл одну из коробок и поморщился. Там была старая обувь. А в узле оказались платья, наверное, столетней давности. Еще в одном – коробки от конфет, банки от кофе и чая и прочих хлам.

– У нашей бабушки такое тоже хранилось. Она думала: вдруг пригодится? И выбрасывать все это нельзя, не наше же. А это что? – Лешка нагнулась и подняла с пола небольшую бумажку. – Чек. Магазиновый. Написано: «Пиво баночное». Неужели бабуля пила пиво?

Ромка взял у Лешки чек, и на лице его напечаталось изумление.

– Слышь, а у нее и впрямь тут кто-то был. Вчера. Позырь на дату. А время... двадцать один тридцать. Лешк, это что же получается?! Выходит, ей не казалось, что здесь кто-то ходит? Наверное, у нее тут и в самом деле скрытое богатство имеется, не зря она про антиквариат говорила.

– Какое богатство? – пожала плечами Лешка. – Все ведь говорят, что у нее ничего такого нет.

– Значит, есть! И мы просто обязаны это выяснить. Ведь тот, кто приходил, небось в темноте искал, мог и не найти. Или это что-то крупное? – Ромка огляделся. – Бедная обстановка еще ни о чем не говорит. Знаешь, в Баден-Бадене есть отель «Европейский двор», в нем самые крутые миллионеры останавливаются. Так вот, там в коридоре стоит невзрачная тумбочка вишневого дерева, которая, представляешь, сколько стоит? Триста тысяч евро! Потому что ей триста лет, и мимо нее еще Тургенев ходил. Я сам читал.

– А давай мебель проверим, – воодушевилась Лешка. – Я тоже знаю, что она чем старше, тем дороже.

– Давай. Так. Шкаф. Начнем с него. – Ромка приоткрыл скрипучую дверцу двустворчатого шкафа и разочарованно протянул: – Лешк, он из ДВП, значит, не старинный. А такая продавленная кровать была у нашей бабушки, мама с папой ее на мусорку снесли и новую ей купили, помнишь?

– Помню, – кивнула Лешка. – А тумбочка?

Ромка убрал с окрашенной светло-зеленой масляной краской тумбочки упаковки таблеток, пузырьки с каплями, привезенный Элей фотоальбом, выгреб изнутри несколько книг и потрепанных журналов «Юность», перевернул ее вверх ногами и указал на ярлык:

– Старая, но не старинная. Вот, написано: «Изготовлена на Сомовской мебельной фабрике». Надо же, как бумажку прилепили. За полвека не отодралась.

– А стол у нее такой же, как у нас, – отметила Лешка.

– И кухонная мебель из пластика. А шкаф книжный тоже из ДВП.

– Кушетке лет пятьдесят, но не больше.

– А ширма? Вдруг она какую-нибудь ценность представляет?

Лешка оглядела ширму, провела по ней рукой и покачала головой:

– Не представляет. Из такого материала у нас дома портьеры были, не помнишь, что ли? А потом их мама на половые тряпки пустила. И доски тоже самые обычные.

– Да, мебель здесь точно не старинная.

Ромка на всякий случай постучал по каркасу ширмы, но пустот не обнаружил и, бормоча: «Надо было прихватить с собой металлоискатель, сделаю это в следующий раз», принялся водить руками по обоям, заглядывать во все щели, прощупывать матрас, подушки и белье в шкафу. Он даже крышку телевизора открыл и сразу же прикрутил на место, чтобы не поднимать пыль, которая накопилась в нем за долгие годы.

– Лешк, а вдруг этот тип заставлял ее сознаться, где она свои ценности прячет? Как Германн в «Пиковой даме». «Три карты, три карты...» – сделав страшное лицо, пропел он грубым голосом. – Вот ее кондрашка ихватила.

Лешка поежилась, представив себе неведомого посетителя, который, словно коршун над беззащитным лебедем, навис над больной старушкой с требованием открыть ему неизвестную тайну.

– Неужели правда? А сказать нам о нем она не смогла. Только с кошкой своей и простилась. Слышал, как она шептала: «Киса»? – Лешка с надеждой посмотрела на брата: – Рома, а может, не было никакого постороннего человека? Просто соседка, Анна Степановна, вчера вечером за чем-нибудь к ней зашла и чек обронила.

– А я сейчас ее об этом спрошу. – Ромка выскочил за дверь и нос к носу столкнулся с соседкой, которая как раз выходила из своей квартиры. Но на его вопрос, заходила ли она вчера к Софье Яковлевне, Анна Степановна ответила отрицательно:

– Я с работы поздно пришла, а она в последнее время в девять часов спать ложится. Снотворное примет – и спит.

Ромка вернулся назад и развел руками.

- Я все слышала. И что же теперь делать? – Лешка во все глаза уставилась на брата.
- Буду думать, – ответил Ромка.
- Эле о чеке скажем?
- Пока не надо.

С тревожно бьющимся сердцем Лешка взялась за веник. Среди прочего сора она вымела из-под кровати упаковку от снотворного, убедилась, что таблеток в ней нет, и выбросила ее в мусорное ведро.

А через некоторое время раздался звонок в дверь, и в квартире появилась Эля.

– Я определила Софью Яковлевну в одноместную палату, за ней будет хороший уход. Врач сказал, что надежда на выздоровление есть. Возможно, старушка еще сможет и говорить, и двигаться. – Она вошла, осмотрелась вокруг и сняла с себя плащ. – Давайте-ка все же наведем здесь порядок. Стыдно оставлять квартиру в таком состоянии. Что нам Вика скажет, когда приедет? Мусоропровода в доме, конечно, нет. Рома, ты будешь выносить во двор всякий хлам. Согласен?

– Я к этому делу привыкший, – обреченно кивнул Ромка, надевая свою куртку. – Давай, что выносить.

– погоди, сначала сор собрать надо.

Эля выставила в прихожую помойное ведро, затем взяла старый пакет и без всякого сожаления ссыпала туда всякие катушки, коробки, пузырьки, накопившиеся у старушки за долгое время, а затем перешла в другую комнату и открыла ящик со старой обувью.

– Так жить нельзя, – вздохнула она. – Весь огонь, в случае чего, я возьму на себя. Рома, действуй.

Ромка, крихтя, пошел вниз с ведром и двумя пакетами. Выбросив все в железный ящик, он вернулся назад.

– Давай еще.

– А это дотащишь? – спросила Эля. – Может быть, кому-нибудь и пригодится что. Софье Яковлевне эта обувь больше никогда не понадобится, я ее просмотрела.

– Всю? – недоверчиво спросил Ромка и скосил глаза на Лешку.

Сестра утвердительно кивнула.

– Сапоги, туфли да тапки старые, ничего больше.

– Смотри, не надорвись, – напутствовала его Эля.

– Ты все думаешь, что я еще маленький. А я сильный, – ответил он и, не переставая крихтеть, поволок на выход огромную картонную коробку. И где старушка ее только взяла? В подъезде он все-таки залез в коробку и снова тщательно проверил, не спрятано ли чего под какой-нибудь стелькой или в носках старых сапог, и нет ли у туфель, случайно, отвинчивающихся каблучков. Увы, Эля с Лешкой, похоже, не ошиблись: все это годилось только для свалки. Может быть, и сама Софья Яковлевна хотела выбросить эти «сокровища», да не успела?

Ромка оставил коробку возле мусорного ящика и пошел за следующей.

«Во, Эля права», – отметил он, выходя с новым грузом и видя, что в его первой коробке уже роется какой-то бомж в надвинутой на лоб вязаной шапке и темно-серой грязной, замасленной куртке.

Заметив Ромку, бомж поспешно отбежал в сторону. Ромка не смог его толком разглядеть, впрочем, он не пытался этого делать: зачем смущать и без того несчастного, бездомного человека, которому даже нечего обуть. Непроизвольно он опустил глаза вниз и взглянул на ноги бродяги. И вдруг увидел на нем серые с черным, совсем новенькие кроссовки. А бомж побежал, и вставка на них блеснула и сделалась ярко-белой. Ромка посмотрел на свою ногу и повертел ею. Вот так – вставка серая. А вот эдак – белая. И у бомжа все так же. Ну и бомж! В новеньких американских кроссовках! Причем в точно таких же, как и у него

самого! Чудеса, да и только. Он развернулся и ринулся за удаляющимся бродяжкой, но тот как-то мгновенно пропал из виду. И неясно, в каком направлении его искать. Не обшаривать же все дворы и подъезды!

Ничего не оставалось делать, как отправляться за следующими коробками. И больше Ромка, как ни крутил головой, никаких подозрительных бомжей во дворе не заметил.

Зато теперь ему стало окончательно ясно, что у старушки есть что искать и кто-то этим усиленно занимается, раз не гнушается исследовать даже ее мусор.

– Завтра опять сюда приедем? – спросил он у Эли.

Она кивнула:

– Непременно. Только сначала посетим «Горбушкин двор». Сегодня туда уже поздно ехать.

По дороге домой Ромку не оставляло чувство, что за ними кто-то наблюдает, но, как он ни крутил головой, никого подозрительного в вагоне не увидел, хотя народу в нем было совсем немного. Группа туристов с рюкзаками, несколько пожилых людей, мамаша с маленькими детьми да девчонки-школьницы.

Дома Ромка достал папку-скоросшиватель с надписью «Дело» и положил в нее найденный чек. А когда к нему подошла сестра, рассказал ей о бомже в новых, точно таких же, как у него, американских кроссовках, который что-то искал в вынесенной им на помойку коробке со старой обувью. И еще о том, как кто-то следил за ними в вагоне метро, но он так и не понял, кто это был.

– Рома, и что все это значит? – с испугом спросила Лешка.

– Значит, что этот человек еще не нашел богатства Софьи Яковлевны. И мы с тобой тоже будем его искать, а заодно и вычислим этого типа.

– Но как?

– Пока не знаю.

Глава IV

Кража на дороге

– Рома, купи мне, пожалуйста, на «Горбушке» «Пепел и алмаз», – на другое утро попросила Валерия Михайловна.

Ромка сморщился.

– А что это?

– Это мой самый любимый фильм моего любимого режиссера Анджея Вайды. Старый, черно-белый, но от этого не менее прекрасный.

– Со Збигневом Цибульским в главной роли, – подхватила Эля. – Я тоже люблю этот польский фильм.

– А я вообще все фильмы Вайды люблю, а этот больше всего. А музыка там какая! – воскликнула мама.

– Ладно, уговорила, – сказал Ромка и протянул руку: – Деньги давай.

– А тебе что надо купить? – спросил он Элю, когда они вышли из машины и вместе с вытекающей из близлежащего метро толпой зашли в огромный павильон под надписью «Горбушкин двор». – Ведь у вас в Америке все, говорят, есть.

– Того, что мне надо, у нас нет, – ответила Эля.

– И таких фильмов тоже? – поразилась Лешка, увидев, что она внимательно рассматривает очередную комедию с Джимом Керри.

– Разумеется, этот фильм у нас есть, – с задумчивым видом сказала американка. – Только вот в Лос-Анджелесе он появился совсем недавно. И мне хотелось бы узнать, откуда он взялся здесь.

Лешка ее не поняла:

– А что в этом такого? Купили и размножили.

– Слишком быстро купили, – усмехнулась Эля. – Значит, это пиратский диск.

– И что? – пожал плечами Ромка. – Здесь полным-полно всякой пиратской продукции.

– Знаю, – вздохнула Эля.

– Ты что, собираешься найти пиратскую фирму и привлечь ее к ответу? – удивилась Лешка.

– Ага, значит, ты занялась расследованием. Тебе, наверное, помощь нужна? – воскликнул Ромка.

– Не совсем так. И помогать мне вовсе не надо. Я не детектив и никакую подпольную организацию искать не собираюсь. Просто фирма-поставщик в Америке теперь будет вынуждена снизить цену на эти диски. Потому что они уже наводнили ваш рынок, – пояснила мамина подруга.

– А тебя попросили поискать такие диски?

– Что-то вроде этого.

Эля купила несколько пиратских фильмов, положила покупки в большой пакет и пошла дальше, продолжая внимательно рассматривать содержимое прилавков.

Ромка в этом павильоне был не впервые, но с Элей и здесь было интереснее, чем с другими. Побродив по рядам, они сходили в кафе, а потом Эля встретила своих киношных знакомых. Среди них был даже актер из известного, только что нашумевшего фильма – совсем молодой парень. Лешка так и уставилась на него во все глаза, а он вдруг протянул ей горсть орешков, подмигнул и пошел вперед, куда-то вдоль лотков, видимо, кого-то высматривал.

А потом Ромка захотел съесть еще и горячий чебурек. Он просительно взглянул на Элю.

– Ты не наелся? – удивилась она, но чебурек купила. Ромка тут же запихнул в рот чуть ли не половину вожделенной еды, словно только что не слопал сразу три пирожных.

– Держись теперь от меня подальше, – недовольно покосилась на брата Лешка, глядя на его замазанные жиром руки и обляпанный вытекающим из чебурека соком подбородок. – И вообще, тебе бы не мешало умыться.

Рот у Ромки был забит, но кивком головы он указал ей на один из плакатов, украшающих павильон. Плакат гласил: «Моется тот, кто не умеет чесаться». Лешка фыркнула.

А Эля подошла к другому прилавку и взяла в руки очередной диск.

– Что за фильм? – поинтересовался дожевавший свой чебурек Ромка и бесцеремонно выхватил диск из ее рук. На краю светлой коробки от его грязных пальцев тотчас же расплылось большое жирное пятно.

– Гляди, что ты наделал! – возмутилась Лешка.

Ромка поскреб пятно, отчего оно стало еще больше, и виновато посмотрел на Элю.

– Я, честное слово, не хотел. Что же теперь делать?

– Чесаться, – съязвила сестра. – Чтобы чистым быть.

Ромка смутился и быстренько вытер руки о свои джинсы. А затем тронул Элю за рукав и, как маленький, заглянул ей в глаза:

– Пожалуйста, извини. Я так больше не буду.

Эля молча протянула продавцу деньги и положила выпачканный диск в свой пакет, а затем повернулась к Ромке и легонько щелкнула его по затылку.

– Ты мне недавно «Юности честное зерцало» цитировал, а сам его как следует не изучил. А должен бы, как молодой отрок, знать творческие наставления Якова Брюса, одобренные самим Петром Первым. Например, такие, как: «умой руки», «не жри, как свинья, и не дуй, чтобы везде брызгало...», и тому подобное. Жаль, что такую прекрасную книгу давно не переиздавали, она бы многим пригодилась. А диск этот мне еще понадобится. Он лицензионный, а мне с выпускающей его фирмой связаться надо. Телефон ее здесь напечатан.

Потом, с большим трудом, они нашли и заказанный Валерией Михайловной «Пепел и алмаз».

– Тебе помочь? – спросил Ромка, пытаясь забрать у Эли потолстевший пакет, чтобы хоть как-то загладить свою вину.

– Мне не тяжело, – ответила Эля. – А тебе еще найдется работа.

– Мусор таскать? Мы теперь в Медведково, да? – Ромке хотелось поскорее вновь обследовать квартиру Софьи Яковлевны. Он и свой кустарный металлоискатель с собой прихватил.

– И кошку надо накормить, – вспомнила Лешка о томившейся в одиночестве желтоглазой красавице.

Эля кивнула:

– По дороге зайдем в магазин, купим еды для нее, чтобы потом прямо к дому подъехать.

Оставив Ромку в пойманном на дороге такси, Лешка с Элей зашли в магазин и купили там пакет «Фрискаса» и небольшую устойчивую мисочку, чтобы заменить ею тот грязный горшок, из которого до сих пор ела кошка.

В квартире по-прежнему было неуютно без хозяйки, и Лешка пожалела бедную кошку, которая, словно жалуясь, что осталась совсем одна, потерлась о ее ноги.

– Кисонька, – ласково сказала она и погладила ее по густой мягкой шерсти, а кошка вдруг, как собака, лизнула ее руку. Носик у нее был холодный, а язычок оказался горячее, чем у Дика. Кошек у Лешки никогда не было, и она даже не подозревала, что эти животные тоже способны на благодарность. «Жаль, что я не могу взять ее с собой, – подумала девочка. – Можно себе представить, как отнесется Дик к такой гостье, а уж от Ромкиного Попки и вовсе не дождешься восторга».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.